

Иоаниди И. Г.

Некоторые страницы из истории греческой семьи

В статье приведены воспоминания о жизни моей семьи. О том, как сложилась судьба ее членов в Греции и в Советском Союзе, как происходило возвращение к этническим корням своего народа в послесоветское время.

Я родился в 1939 году в Абхазии в городе Сухуме. В то время Абхазия находилась на правах автономии в составе Грузии. Здесь мирно уживались абхазы, грузины, русские, евреи, армяне и прочие национальности. Одних только греков насчитывалось около 300 тысяч и греческие деревни были разбросаны по всей республике.

Моя бабушка росла в очень обеспеченной семье, ее отец (мой прадед) Николай Адамиди был богатым судовладельцем и имел возможность обеспечить своим детям получение хорошего образования. В юности она закончила курсы благородных девиц и кроме понтийского языка, на котором говорили все кавказские греки, она еще прекрасно говорила на новогреческом, знала французский язык. Ее муж, мой дед, после революции сразу уехал в Грецию, однако бабушка не поехала с ним и осталась с маленьким сыном (моим отцом) в Сухуме.

Дед, Аристид Иоаниди, обосновался в Северной Греции в городе Салоники. Там у него появилась новая семья, но он не забывал нас и иногда мы получали от него письма. Письма от него приходили очень редко, но не потому, что он не хотел писать, а потому что боялся нам навредить: в те времена связи с родственниками за границей преследовались органами НКВД и за подобные связи можно было угодить за решетку.

Письма от деда нам передавали люди, которые приезжали официально в Советский Союз. В этих письмах дед рассказывал о своей жизни на земле исторической Родины. Так мы узнали, что у него есть сын – мой родной дядя по отцу и его дети. В 1966 году дед умер. По его наказу дядя продолжал поддерживать с нами связь таким же способом как и дед, т.е. отправлял письма через приезжающих в Союз людей.

После отъезда деда в Грецию моя бабушка с сыном осталась в Сухуме. На Кавказе установилась Советская власть, которая сразу же принялась потрошить богатых людей, многие из них были расстреляны. Богатые люди стали бедными, но бедные не стали богатыми. Шли годы, вырос ее единственный сын, женился, появились ее внук, т.е. я. В 1941 году началась Великая Отечественная война. Военные действия велись и на Кавказе. Я был маленьким ребенком, но в моей памяти запечатлелись некоторые эпизоды, происходившие в то время. Помню мы с бабушкой находились в деревне Павловке, примерно в 12 км от города Сухума, где родился мой отец. Я лежал на полянке недалеко

от дома, а над деревней пролетал самолет, на крыльях которого отчетливо были видны кресты. Помню звуки сирены в городе, когда мы с матерью вместе с соседями бежали в бомбоубежище, которое находилось в какой-то пещере на горе. Помню большое количество людей с детьми, вещами, сумками. Люди молча сидели, даже дети не плакали. Помню момент окончания войны. Мне тогда было около шести лет. Я находился в детском саду, когда услышал громкие крики на улице. Мы – дети выскочили за калитку и увидели много людей, которые громко кричали : «Победа! Победа!»

Помню еще один эпизод: когда мы с бабушкой шли в Павловку, дорогу ремонтировали пленные немцы. Их было много, работали они под охраной наших солдат.

Однажды к нам в квартиру постучали: я выскочил вслед за бабушкой, перед нами стоял пленный немец, в руках он держал маленькую деревянную скамеечку, сделанной его руками и лопотал: «Млеко, млеко» и хотя мы сами жили впроголодь, бабушка дала ему полбулки хлеба и баночку молока.

И еще один эпизод запомнился мне, когда пленные немцы колонной покидали Сухум, их отправляли в Германию. Они шли и пели какую-то немецкую песню и хотя лица у них были уставшие, но песню они пели радостно, ведь они возвращались домой.

Мальчишки всех национальностей мало задумывались над проблемами большой политики и никому из моих друзей не приходило в голову укорять друг друга принадлежностью к той или иной этнической группе. Иное дело- взрослые. Бытовой национализм проникал повсюду, пропитывая смертельным ядом нетерпимости души людей. Продавщицы в магазинах игнорировали покупателей, если те обращались к ним не на грузинском языке. «Не нравится, убирайся в Россию», такие слова можно было услышать неоднократно. Я вспоминаю такой курьезный случай, о котором в то время говорили многие люди.

В городской милиции в кабинете начальника висело на стене несколько портретов членов Политбюро, причем за головой самого начальника висел портрет тогдашнего министра внутренних дел СССР Лаврентия Берии, который по национальности был грузин. Уборщица (русская бабушка) протирала пыль в кабинете, в том числе и с портретов, которые ей пришлось снять со стены. После уборки она обратно повесила портреты на стенку, но перепутала и вместо портрета Берии повесила на его место портрет тогдашнего министра иностранных дел Вячеслава Молотова, русского, а портрет Берии повесила сбоку. На следующий день, когда начальник пришел на работу, он сильно испугался как бы вышестоящее начальство не подумало, что это было сделано по его приказу и велел арестовать бабку, обвинив ее в русском национализме. Бабушке дали десять лет. Вот такие нравы были в те незабвенные времена.

Отец мой работал шофером в какой-то организации на грузовом автомобиле марки «Форд» (тогда в Сухуме было много американских машин, которые достались стране во время Отечественной войны по ленд-лизу). Он часто брал меня в поездку с собой. Иногда садил меня на колени и давал порулить-это было такое счастье! Сейчас, когда прошло много лет, я помню, как он и его друзья часто вслух ругали местные власти, которые заставляли всех водителей заполнять путевые листы на грузинском языке. Хотя мой отец немного говорил на грузинском, ему очень это не нравилось. «Я живу в СССР и государственным языком является русский. Почему я должен оформлять путевой лист на грузинском?» Обстановка в Абхазии все более накалялась, тем более, что этнических греков стали целыми эшелонами этапировать с Кавказа в Казахстан и в Среднюю Азию. Людей целыми семьями заставляли бросать свои дома и нажитое имущество, грузили как скот в так называемые «телятники» и отправляли в степи Казахстана, причем на сборы эллинам давали 24 часа. Никто не понимал, в чем собственно, они провинились перед великим учителем и вождем Сталиным. Позднее, будучи уже взрослым человеком, мне приходилось смотреть кинофильмы, где показывали, как фашисты отправляли оккупированное население Украины, Белоруссии, Молдавии на принудительные работы в Германию. Но это были фашисты, которые проводили свою звериную расовую политику с советскими людьми.

Как же посмел «Отец всех народов» Иосиф Сталин отдать приказ своему верному «Гиммлеру» Лаврентию Берии на проведение такого же геноцида со своим народом?

Мой отец как-то рассказал нам о своей встрече с офицером из конвойной части. Это был боевой офицер, прошедший всю войну. Тот признался ему, что сам не понимает, в чем дело. Перед отправкой в Абхазию начальство говорило им (военным) о начавшейся на Кавказе резне, что им придется усмирять бандитов, а на самом деле пришлось иметь дело со стариками, женщинами и детьми. Отец не стал дожидаться, пока нашу семью тоже повезут под конвоем в вагонах для телят, и мы уехали в Киргизию, во Фрунзе (в настоящее время город Бишкек). Это было в 1949 году. Через два года трагически погиб отец и мы остались вчетвером: мать, бабушка я и младший брат Валерий, которому в это время исполнилось три года. Мать пошла работать кондуктором на автобус, чтобы прокормить семью, а все заботы по воспитанию детей и по хозяйству легли на плечи бабушки, которая требовала от нас, внуков, называть ее митерой (по-гречески мама), т.к. все заботы по воспитанию нас, ее внуков полностью легли на ее плечи. Она умела очень вкусно готовить, особенно у нее очень хорошо получались греческие блюда, которые мы очень любили есть и часто просили добавки.

Так получилось, что греческие семьи были разбросаны по городу по разным районам и мы не общались так часто как нам этого хотелось. Я учился в русской школе, вокруг меня были в основном русские ребята, а греческие, киргизские пацаны и некоторые ребята других национальностей общались между собой только на русском языке.

К нам в гости иногда приходили греки и русская речь часто сменялась греческой. Я, конечно, знал некоторые слова и выражения по-понтийски, но беглую речь не понимал, а мне очень хотелось научиться. Я просил митеру научить меня говорить по-понтийски, ведь некоторые из греческих ребят, которые приходили к нам со своими родителями в гости, говорили бегло на этом языке, а я его плохо знал, хотя очень хотел бы научиться.

Помню митера прижала меня к себе и сказала, что по – понтийски она учить меня не будет, а вот «литературному» (так она называла новогреческий язык) меня научит. Потом она глубоко вздохнула и с горечью сказала: «А впрочем зачем тебе этот язык? В этой стране он принесет тебе только горе». До сих пор жалею, что не убедил ее, хотя сейчас понимаю, что после всех этих событий насильственного и собственного переселения греков в Казахстан и в среднеазиатские республики, она очень боялась, что с ее внуками может произойти еще что-то более ужасное.

В 1953 году умер вождь всех угнетенных и не очень угнетенных народов Иосиф Виссарионович Сталин. Гудели клаксоны автомобилей, заводские гудки – страна прощалась со своим отцом и учителем. К нам в гости зашла соседка – старая русская женщина поделиться со своим горем. Я в это время делал уроки и очень хорошо помню, как она всхлипывала от слез и причитала, что теперь станет со страной без своего учителя и отца всех народов. Митера молчала и ничего не говорила, но когда соседка ушла в сердцах сказала, нашла себе отца, который младше ее на несколько лет. Потом с горечью добавила, если бы она знала, сколько горя он причинил нашему народу.

Через три года прошел 20-й съезд КПСС и страна узнала о многих злодеяниях Сталина. Помню, как эта соседка опять пришла к нам и с чувством негодования и возмущения сказала: «Елена Николаевна, а Сталин оказывается бо-о-льшая сволочь!». А митера ей ответила: «Я это давно знала». Соседка спросила: «А почему вы мне тогда, когда он умер, об этом не сказали, я бы так по нему не плакала?». Митера ответила: «Честно я вам скажу, я побоялась, что после моих разъяснений вам, на следующий день к нам не придут гости из КГБ»

Сейчас, когда прошло столько лет, воспоминания о моей митере наполняют мою душу глубокой нежностью.

В 1956 году я закончил школу и решил поехать в Ленинград, чтобы поступить в военно-морское училище. Однако в анкете я не указал, что у меня имеются родственники за границей, да еще и в капиталистической Греции. Я уже сдал четыре экзамена из шести как дотошные особисты «разоблачили» меня как неблагонадежного. Так я не стал морским офицером. Школьный друг уговорил меня сдать экзамены в Томский индустриальный техникум, куда я поступил в 1957 году. Помню в начале моей учебы еще на первом курсе со мной произошел такой казус. Куратор нашей группы поручил мне сфотографировать наиболее красивые старинные дома города Томска. Затем эти фотографии должны были разместить в фойе учебного корпуса в специальной фотовитрине, посвященной архитектуре старинного купеческого города. Я сфотографировал несколько бывших купеческих особняков (в одном из них в настоящее время находится мэрия города Томска), бывший губернаторский дом (сейчас там размещается краеведческий музей) и несколько красивых деревянных зданий, составляющих деревянную архитектуру города. В последнюю очередь я решил сфотографировать здание главного учебного корпуса Томского артиллерийского училища (ТАУ), которое располагалось рядом с городским садом. В момент съемки я боковым зрением увидел, как какой-то человек остановил военный патруль и рукой им указывал на меня. Я и представить себе не мог, что это очень красивое старинное здание, находящееся в центре города, запрещалось фотографировать. Патруль (офицер и два курсанта с автоматами) препроводили меня во внутрь здания, где меня начали допрашивать: почему я стал фотографировать секретный объект, кто меня надоумил пойти на такое ужасное преступление и другие подобные вопросы, которые обычно задают пойманному шпиону. В то время такие фильмы часто показывали в кинотеатрах. А когда узнали, что я по национальности грек, то посыпались вопросы: когда меня забросили из капиталистической Греции и каким образом я очутился в закрытом городе? Что я успел за это время высмотреть и передать своим хозяевам? Снимал ли я железнодорожные мосты и здание вокзала? Этот допрос продолжался полчаса или больше пока не пришел военный фотограф, который проявил мою фотопленку и объявил своим коллегам, что никаких секретных объектов я не снимал, кроме их родного ТАУ. Остальные снимки отображали оригинальную каменную и деревянную архитектуру города Томска. Мне отдали проявленную пленку, правда, кадр главного корпуса ТАУ вырезали и строго внушили, учитывая мой юный возраст, обходить за сто метров все военные объекты и никогда их не фотографировать, в следующий раз я так легко не отделаюсь. А в техникуме меня вызвал в свой кабинет директор и после нервной беседы объявил мне выговор. Хорошо, что не исключили из техникума.

Учеба мне нравилась, учился я успешно и закончил его в 1960 году, получив диплом горного техника. Во время учебы в техникуме я начал играть в зимний футбол. Мне южанину очень нравилось гонять мяч по снежному полю, случалось мы играли при температуре минус 15- 20 градусов.

Наша футбольная команда участвовала в первенстве города Томска среди средних учебных заведений. Мы дошли до финала и победили команду будущих офицеров Томского артиллерийского училища, того самого, в котором я побывал не по своей воле еще когда учился на первом курсе техникума.

Я даже не предполагал какой меня ожидал впоследствии сюрприз благодаря футболу.

По распределению меня с товарищем направили в город Зыряновск Восточно-Казахстанской области. Там находились рудники по добыче цветных металлов, где мы должны были работать. Но работали по специальности мы мало и все из-за того, что директор рудника был заядлым футбольным болельщиком. Меня с товарищем включили в команду рудника и, по-видимому, наша игра ему понравилась. Он освободил нас от работы и мы целый месяц тренировались в сборной футбольной команде города. Затем нас отправили на сборы, продолжать тренироваться в южном казахстанском городе Кентау. И вот сюрприз.

Город был небольшой и чем-то напоминал Сухум. Очень аккуратный, очень чистый, много цветов на газонах, парки и сады, фонтаны. В нем жили в основном понтийские греки, много греков, думаю не ошибусь, но мне кажется, что каждый второй был грек. Везде слышалась греческая речь: на улицах, в магазинах, на базаре. Единственное, чего не было – это моря, так как город располагался в степи. Этот красивый город был построен в основном благодаря трудолюбию греческого населения, высланного в степи Казахстана. Чувство восхищения и гордости переполняло меня.

Когда мы играли на стадионе товарищескую игру с местной футбольной командой – диктор перечислял составы команд и назвал среди других и мою фамилию. После игры, которая закончилась вничью, к нам в раздевалку пришли несколько греков. Мы познакомились, разговорились и один из них сказал с гордостью, что греки есть везде и даже в Сибири. Он стал говорить со мной на греческом (понтийском) языке. Я понимал, о чем он меня спрашивал, но отвечал на русском языке, т.к. постеснялся говорить, потому что язык я в общем-то знал плохо. Он дружески пожурил меня и посоветовал никогда не стесняться и стараться больше говорить на греческом языке, если представляется такая возможность. Так у меня появилось цель: выучить родной язык. С этого времени я

изучаю все, что касается Греции. Меня интересует история Греции, литература, искусство и, конечно же, язык.

Из учебников у меня был большой греческо-русский словарь под редакцией Елены Иоаниди (моей однофамилицы). Его прислал из Греции мой дед.

В нем было немного грамматики, но этого было явно недостаточно, а других источников мне негде было найти.

Год проработал на руднике в Восточно-Казахстанской области, откуда был призван в армию.

После армии поступил в Томский политехнический институт, который закончил в 1968 году по специальности инженер-электrofизик. Появилась возможность написать кандидатскую диссертацию, но отказался от этой возможности из-за плохих жилищных условий (проживал с семьей в халупе с земляным полом, которую снимал). В это время открылось новое профессиональное училище, набирали преподавателей и мастеров и я пошел работать в училище преподавателем электротехники и сварочного производства. Наука для меня новая, поэтому мне приходилось учиться заново новому предмету и педагогике. Я рассчитывал: немного поработать, получить жилье и уйти, но работа увлекла меня и вот уже 33 года я работаю преподавателем.

За это время получил звание «Заслуженный учитель России», Орден Почета, неоднократно награждался почетными грамотами Областной Государственной Думы, Почетными грамотами от губернатора Томской области и другими регалиями. Мои ученики призеры практически всех соревнований и олимпиад. Расскажу еще немного о спорте.

С малых лет я увлекался большим теннисом, неоднократно становился чемпионом Киргизии, в 15 лет занял второе место в младшей группе по Союзу.

Играл в теннис и в армии. Некоторое время служил в спортивной роте в Ташкенте и мне один раз довелось сыграть тренировочную игру с большим любителем тенниса, генерал-полковником, заместителем командующего Туркестанского военного округа. Самое главное впечатление осталось не от самой игры, а то, что мячи нам подавали (генералу и рядовому) офицеры-майор и капитан.

Надо сказать, что теннисные корты находились в авиагородке. Там же к своему удивлению я обнаружил культурный центр греческих репатриантов из Эллады. К нему вела аллея участников гражданской войны, где вдоль нее были установлены портреты греческих партизан.

В Греции после освобождения страны от фашистских захватчиков началась гражданская война между коммунистами и людьми, которые не принимали их идеи.

Коммунисты проиграли и Советский Союз принял большую группу греческих репатриантов, которые поселились в Узбекистане.

В этом центре мне подарили греческо-русский словарь и я стал обладателем уже двух словарей.

Я до сих пор участвую в турнирах томских ветеранов большого тенниса, неоднократно занимал призовые места, при этом часто обыгрывал тех, кто был на 15-20 лет моложе.

В 2000 году была создана Томская греческая автономия. Основал ее и руководит бессменно президент греческой диаспоры Владимир Викторович Колозарида. Вскоре после этого открылась школа греческого языка, культуры и литературы. Там мы учимся говорить по-гречески, изучаем древнюю и современную историю Эллады. Ведет занятия талантливый педагог Матухин Дмитрий Леонидович, который прошел годовое обучение в университете Афин, стажировался языковой практике на острове Крит и на Кипре.

В дни греческих национальных праздников в нашей диаспоре готовятся концерты с участием взрослых и детей, читаем стихи на греческом языке. В последнее время, благодаря руководителю нашей диаспоры на эти встречи приезжают греки с разных мест России.

Очень хочется побывать в Греции, посмотреть всемирно известные памятники, побывать у родных. В Афинах живет мой брат Георгий Павлов – известный хирург-ортопед и родная племянница – Ирина Иоаниду. Она закончила юридический факультет Афинского Университета и с 2003 года занимается адвокатской деятельностью. В 2009 году она баллотировалась в греческий парламент в списках партии Л.А.О.С, которая поднимает вопросы интересов греческого народа и репатриантов, в том числе из России, защищая их интересы в греческом парламенте.

В настоящее время у большого количества семей репатриантов до сих пор не решены многие проблемы их проживания в Греции. Главной целью адвоката Иоаниду является защита интересов понтийских греков – репатриантов. Основные вопросы, которые ей предстоит решить в своей общественной деятельности это:

1. упрощение процедуры принятия греческого гражданства
2. признание стажа работы в бывшем Советском Союзе, для последующего оформления пенсии
3. урегулирование ситуации с жилищными кредитами, выдаваемыми на покупку квартиры, участка и строительства дома¹.

Для решения этих вопросов она намерена приложить все свои способности и силы.

¹ Афинский курьер. – 2-9 октября 2009 г. – С. 3.

В Москве живет еще одна моя сестра Джола Павлова. С детских лет мы знаем друг друга, т.к. во время войны ее семья жила в Сухуме. Ее отец Павлов Иван Петрович-участник Великой отечественной войны, награжденный многими орденами и медалями, по профессии врач – хирург, а мать – моя тетя, родная племянница моей бабушки. После окончания войны отца перевели в Москву, где Джола закончила школу и затем Московский государственный университет.

Джола Ивановна всю свою жизнь работает переводчицей при греческом посольстве. Профессию переводчика греческого языка унаследовал и ее сын Янис – мой племянник.

Мой младший брат закончил институт в Ленинграде и сейчас, хотя он уже пенсионер, все еще работает инженером-строителем на стройках Санкт-Петербурга.

У меня есть взрослая дочь Евгения, которая, закончила Томский политехнический университет по специальности «Программист» и в настоящее время работает системным администратором в одной из компьютерных фирм. Она поддерживает связи с родственниками в Москве, в Санкт-Петербурге, в Афинах и в Сухуме. Она уже была в Греции в гостях у наших родственников, мечтает побывать там еще. Надеюсь, что дочь продолжит традиции моей семьи и таким образом не прервется связь поколений.

Иоаниди И. Г. Некоторые страницы из истории греческой семьи // Эллинизм: культура, традиции и язык в российской государственности и в социуме Сибири: Сборник материалов I Международной научно-практической конференции (г. Томск 30-31 октября 2009 г.) / отв. ред. Т. П. Минченко. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2009. С.191-201.